

Т.М.Дубах

УДК 821.112.2(436) (Шницлер А.)
ББК Ш33 (4АВС) 6-8, 4

Доминанта сновидения в творческой и личной биографии Артура Шницлера

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию значимости темы сновидения для известного австрийского прозаика и драматурга Артура Шницлера, что кроме прочего нашло отражение в прозе литератора, где при изображении сновидений героев обнаруживаются сходства с законами сновидения, открытыми Зигмундом Фрейдом.

Ключевые слова: законы сновидения, вытесненное желание, закодированные эротические символы.

Не без оснований творчество известного австрийского драматурга и прозаика Артура Шницлера часто исследуют в сопоставлении с трудами не менее знаменитого репрезентанта медицинского дискурса Австрии начала XX в. – Зигмунда Фрейда. Одним из аспектов сопоставления является интерес этих крупных фигур порубежной культуры Австрии к теме сновидения, которая разрабатывалась ими схожим путем рефлексии и саморефлексии.

Ни один другой автор новаторского по своему духу объединения «Молодая Вена» не фиксировал с такой точностью собственные сновидения, как Шницлер. В дневниках, которые автор вел с 1875 г. вплоть до самой смерти в 1931 г., запротоколировано более 600 сновидений, которые он решил объединить в одно издание под заголовком «Traumtagebuch» («Дневник сновидений»).

Известно, что Шницлер работал над текстами дневника сновидений как над художественными текстами: сокращал, дополнял, пояснял, обрабатывал стилистически. Как и другие свои произведения, автор зачитывал некоторые сны в узком кругу [Lensing 2012: 407, 410].

Шницлер был одним из немногих, кто читал «Толкование сновидений» («Traumdeutung») Фрейда в год издания работы. Ярким доказательством тому служит сон автора от 26 марта 1900 г., в котором он видит себя в униформе, но в гражданских брюках, поясняя, что этот образ навеян «Толкованием сновидений» [Schnitzler 2012: 25]. Неоднократные отсылки к труду Фрейда, приоткрывающему завесу тайны этого «сложного психофизиологического феномена» (З. Фрейд), содержатся также в дневниковых записях Шницлера.

Накануне встречи с Фрейдом летом 1922 г. Шницлер также видит сон, в котором рассказывает своей подруге о том, как Фрейд удаляется от него. Шницлер связывает данное сновидение с предстоящим визитом, однако делает в дневнике пометку: «отношение к психоанализу» [Lensing 2012: 429].

Тот факт, что Шницлер отходит от фрейдистского понимания структуры человеческой психики, не является открытием для современных исследователей. В широком доступе находятся заметки автора под единым заголовком «Über Psychoanalyse» («О психоанализе»), где он излагает свой собственный взгляд на предмет [Schnitzler 2006: 136-137].

Известный зарубежный литературовед О. Пфольман отмечает, что пристальное внимание автора к мистерии собственных сновидений не только стимулировало попытку их толкования, но и повлияло на

художественное оформление сновидений его героев [Pfohlmann 2006: 131]. Безусловно, проза автора представляет собой богатый материал для исследования, потому как автор скрупулезно подходит к изображению сновидений своих персонажей.

Так, некоторые сновидения героев Шницлера обнаруживают сходство с открытиями Фрейда, пролившими свет на особую природу данного феномена. К примеру, ключом к интерпретации эротически заряженного сна Альбертины из произведения «Траумновелле» («Traumnovelle»), которое переводится на русский язык как новелла сновидений, является широко растиражированный постулат Фрейда «сон есть вытесненное желание».

Сон создает особое, заполненное символами пространство, которое очень часто имеет эротический подтекст. «Толкование сновидений» предпринимает попытку создать подробную типологию эротических символов, которые бессознательное зашифровывает в совершенно обыденных предметах [Freud 2001: 351]. В такой трактовке укуса змеи в сновидении Эльзы из рассказа «Барышня Эльза» («Fräulein Else») предстает совершением полового акта.

Вместе с тем сны в прозе А. Шницлера почти никогда не представляют собой область желаемого в чистом виде. Подобно карандашным рисункам Дж. Сегантини, на которых под слоем черного графита проступают другие цвета, сон является сложной мозаикой из страхов, сомнения, отчаяния и стремления к самопознанию. Испытание, которое заключается в том, чтобы, сомкнув очи, остаться один на один с собственным «Я» и заглянуть в зазеркалье внутреннего мира, зачастую оказывается мучительным для героев. Может быть, поэтому персонажи испытывают облегчение, когда не видят сновидений. Это наглядно демонстрирует главный герой из рассказа «Возвращение Казановы» («Casanovas Heimfahrt»): «[...] Через несколько минут, разбитый усталостью, сковывавшей его тело и не отпускавшей его, с привкусом горечи на губах, словно идущей из самой глубины души, он, полураздетый, бросился на жесткую кровать, чтобы после двадцати пяти лет изгнания уснуть столь долгожданным первым сном на родине, который под утро, тяжелый и без сновидений, сжалился наконец над старым авантюристом» [Schnitzler 1980: 124].

То, что сон особым образом синтезирует реальное и потенциальное, на что обратил внимание Фрейд, наглядно демонстрируют сны многих шницлеровских героев. Сновидение Франца из новеллы «Благие поступки от чистого сердца» («Wohltaten, still und rein gegeben») сначала переносит героя в реально существующую в рамках фиктивного хронотопа точку пространства: «Во сне он поднимался по широкой лестнице в красивый дом, где в первое время своего пребывания в

Вене давал уроки» [Schnitzler 1980: 271]. А далее сон перетасовывает, словно игральные карты, действующих лиц и их позиции: «Внизу, на обтянутой бархатом скамейке сидел, держа на коленях продавщицу цветов, тот самый господин из концертного зала. Он ел каштаны вместе с девушкой. Они не узнали Франца, чем сильно разозлили его» [Schnitzler 1980: 271]. Господин из Софиензаль – прототип благодетеля, подавшего Францу деньги, сидящая на его коленях цветочница – героиня, у которой персонаж купил цветы во время ужина в кафе. То обстоятельство, что они едят жареные каштаны, отсылает к паре молодых людей, случайно встретившихся Францу.

Кроме прочего, Фрейда интересовало то, как психическое заболевание отражается в сновидениях индивида. В ходе долгих наблюдений ученый пришел к выводу, что проявившаяся в состоянии бодрствования паранойя «не проникает в сон» [Freud 2007b: 223], так как «сновидение может вбирать в себя то содержание, которое не имеет право появиться в мыслях на яву» [Freud 2007b: 225]. Однако обнаруженная психиатром закономерность не действует в отношении Роберта из рассказа «Побег в темноту». Параноидальные страхи не отступают от него ни во сне, ни в состоянии бодрствования, заставляя думать о том, что он отравил супругу Анну и убил любовницу Паулу. История болезни Роберта по стадиям протекания недуга удивительно напоминает описанный Фрейдом случай П. Шребера. Сначала паранойя затрагивает физическое здоровье, а затем манифестируется в мании преследования. При этом болезнь не затрагивает интеллект своей жертвы, который отличается остротой и живостью [Freud 2007b: 142-143, 186].

Необходимо отметить, что для шницлеровских персонажей типично пребывание в пограничных состояниях между сном и явью. Теоретически они бодрствуют, однако их мысли оторваны от пространства и времени и витают в просторах ирреально-гипотетического. Так, главная героиня из рассказа «Фрау Берта Гарлан» («Frau Berta Garlan») по дороге из столицы домой в маленький город предается фантазиям о том, как могла бы выглядеть ее встреча с бывшим возлюбленным в Вене. Воображение Берты рисует красочные и детальные картины свидания по прошествии многих лет. Совершенно незаметно мечты героини плавно переходят в сон. О том, что героиня спит, мы узнаем лишь тогда, когда звук движущего навстречу поезда будит Берту (перевод Л. Савельева) [Schnitzler 1980: 106-107].

Сновидения в прозе Шницлера обладают равноценным статусом с изображением фиктивной реальности. Они не несут декоративной нагрузки, а служат важным средством раскрытия внутреннего мира персонажа, его страхов и сомнений. Изображение сновидений призвано не только приблизить героя к читателю, но и, открыв по-

следнему область бессознательного, усилить психологизм и создать особое эмоциональное напряжение. При этом их описание отличается мастерством исполнения и демонстрирует сходство с теми законами сновидения, которые были открыты и описаны Фрейдом.

Литература

- Freud S.* Die Traumdeutung. Frankfurt/Main: Fischer, 2001.
- Freud S.* Zwang, Paranoia und Perversion. Frankfurt/Main: Fischer, 2007b. 362 S.
- Lensing A. L.* Nachwort // Arthur Schnitzler. Traumtagebuch Träume. Das Traumtagebuch 1875-1931. Göttingen: Wallstein Verlag, 2012. S. 407-458.
- Pfohlmann O.* Arthur Schnitzler // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg: Verlag Literaturwissenschaft.de, 2006. Bd. I. S. 129-133.
- Schnitzler A.* Casanovas Heimfahrt // Das erzählerische Werk. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. Bd. 5. S. 32-124.
- Schnitzler A.* Dokumente // Psychoanalyse in der literarischen Moderne. Eine Dokumentation. Einleitung und Wiener Moderne. Marburg: Verlag Literaturwissenschaft.de, 2006. Bd. I. S.134-154.
- Schnitzler A.* Frau Berta Garlan // Das erzählerische Werk. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. Bd. 2. S. 73-196.
- Schnitzler A.* Träume. Das Traumtagebuch 1875-1931. Göttingen: Wallstein Verlag, 2012.
- Schnitzler A.* Wohltaten, still und rein gegeben // Das erzählerische Werk. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. Bd 2. S. 267-273.

И.Г.Мальцева

УДК 821.112.2(091)
ББК Ш33(4Гем).00 (Мюллер Р.)

К истории активизма

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению истории литературно- и культурно-политического движения активизма в Германии. Активизм как самостоятельное движение сложился в рамках немецкого экспрессионизма вследствие его политизации и относился ко времени обозначившегося раскола в среде молодых экспрессионистов. Актуальность активизма как самостоятельного политического